

Время летело незаметно, и вскоре год подошёл к концу. От учителя Хуая пришло письмо с расспросами об успехах в учёбе; Цзи Линьси отправил ответное послание, приложив к нему немного серебра. Почтив память Лунного старца, он отыскал тихую таверну и, заняв место у окна, заказал чашу чая. Потягивая напиток, он рассеянно наблюдал за суетой толпы на улице.

С тех пор как в праздник Сяюань он повстречал того прекрасного господина, Линьси при каждом выходе из поместья канцлера внимательно оглядывался по сторонам. Он жаждал вновь столкнуться с юношей и продолжить это мимолётное знакомство, но удача больше не улыбалась ему.

Позже из случайных разговоров он узнал, что юноша неземной красоты заперся в своём поместье, готовясь к столичным экзаменам, которые должны были состояться в начале следующего года. Похоже, их новая встреча была возможна лишь во время испытаний. В конце концов, сейчас Линьси был лишь компаньоном по учёбе при Ван Чии и в какой-то степени принадлежал дому канцлера. Без особого распоряжения свыше его появление у ворот поместья Великого наставника вызвало бы подозрения у канцлера Вана. А если бы, паче чаяния, вскрылось, что он и есть тот самый Чу Си, — это стало бы концом всех его надежд.

Сделав глоток чая, Цзи Линьси принялся размышлять о том, как известить Ван Чии.

Убивать его было нельзя: со смертью наследника канцлера на плаху отправился бы и сам Линьси.

Следовало придумать нечто такое, что помешало бы Ван Чии явиться на экзамен или же сделало бы его результаты ничтожными в глазах судей.

Трогать прекрасного господина он не смел, а сын принцессы Цинъян находился слишком далеко, в Чжэчжоу, так что до него руки не дотягивались. Единственной доступной мишенью оставался Ван Чии.

Этот никчёмный юнец был падок на женскую красоту. План казался простым: подстроить так, чтобы в день экзамена он угодил в сети какой-нибудь обольстительницы и пропустил испытание. Однако найти красавицу, способную на такое, и при этом не оставить следов, ведущих к самому Линьси, было задачей не из лёгких.

Чтобы отвести от себя подозрения и выйти сухим из воды, нужно было расставить ловушку так, чтобы Ван Чии шагнул в неё сам и тем самым обрёк себя на погибель.

Пока он обдумывал детали, до его слуха донеслись голоса других посетителей таверны. Стоило ему уловить слова о предстоящих экзаменах, как юноша тут же обратился в слух.

— Говорят, в Министерстве ритуалов уже готовят экзаменационные листы. К концу следующего месяца всё будет закончено.

— Могу представить, сколько порогов обил столичный люд к праздникам, пытаюсь достучаться до чиновников ведомства.

— Коль смотреть на это, так экзамены наши и справедливы, и нет. Простому человеку пути закрыты, а вот знатные господа всегда найдут лазейку. Стоит кому-то из Министерства ритуалов дать пару подсказок — и их отпрыски с лёгкостью пройдут любые испытания.

— Хм, разве за жульничество на экзаменах не карают по всей строгости?

— Ха! Способы, которыми пользуются сильные мира сего, тебе и во сне не приснятся...

Эти слова заронили в его душу зерно новой идеи. Вернувшись в поместье канцлера, Линьси узнал от управляющего, что господин канцлер желает его видеть. Он немедленно отправился в кабинет, где, приняв самый почтительный вид, пал ниц:

— Ничтожный приветствует господина канцлера —

Ван Ян не оставил без внимания успехи Линьси, которые тот делал, занимаясь вместе с его сыном. Он также прекрасно видел, как искусно тот льстил Ван Чии, стараясь угодить.

Подобные лицемеры, готовые на всё ради власти, были ему необходимы. До тех пор, пока канцлер держал в руках выгоду, к которой стремился этот юноша, Линьси оставался бы его самым верным псом.

К тому же за всё это время соглядатаи не заметили за Линьси ничего подозрительного. Даже сегодняшний его выход в город ограничился лишь отправкой письма учителю в Юнчэн.

Ван Ян видел в нём человека честолюбивого, но при этом помнящего о тех, кто протянул ему руку помощи. Именно поэтому канцлер решил взрастить этот талант, чтобы в будущем превратить его в надёжную фигуру на шахматной доске двора.

— Поднимись, — велел он. — Найди себе место и присядь.

Линьси послушно исполнил приказ. К его удивлению, Ван Ян больше не заговаривал с ним, а продолжил обсуждение с другими советниками. Вслушиваясь в их беседу, Линьси ощутил, как по спине пробежал холодок.

Речь шла о предстоящих столичных экзаменах.

— В этом году Его Величество проводит утренние аудиенции гораздо реже, чем прежде. Похоже, здоровье императора стремительно угасает. Он всё чаще упоминает наследного принца и шестого принца в своих речах. Очевидно, в следующем году наследнику и другим принцам позволят войти в государственное управление. Дальше тянуть нельзя.

— Император всё никак не может сделать выбор между наследным принцем и шестым принцем. К чему бы это? — недоумённо произнёс мужчина средних лет с короткой бородкой. — Раньше он ведь был крайне недоволен наследником? А на последних советах начал его хвалить.

— Прежде наследный принц пользовался поддержкой нашего канцлера. Его Величество тогда был ещё полон сил, а господин Ван — опора государства, от которого зависело многое. Естественно, император чувствовал угрозу и недолюбливал сына. Но теперь всё иначе. Во время недавнего выезда наследный принц ясно дал понять, что разрывает связи с канцлером. Уединившись в Восточном дворце, он показал свою покорность и отсутствие притязаний на трон. Теперь, когда император болен, он вынужден заново взглянуть на наследника как на гаранта преемственности власти.

— Кто бы ни победил — принцы или императрица, — каждый постарается продвинуть своих людей через грядущие экзамены. Второй молодой господин Шэнь придерживается нейтралитета. Если он станет чжуаньюанем, за него развернётся настоящая борьба. Молодой принц Лоу, сын принцессы Цинъян, пока не раскрыл своих карт. Если он на стороне принца... Господин канцлер, как нам быть?

Линьси внимательно слушал, как то и дело в разговоре всплывает титул наследного принца.

Судя по всему, Чу Юй не ладил с канцлером. Прежде они были в одной лодке, но принц предпочёл покинуть судно.

Он быстро смекнул, что Ван Ян позволил ему присутствовать при этом разговоре лишь потому, что начал считать своим человеком. Скорее всего, после этого Линьси дадут первое поручение — своего рода проверку на верность и способности.

Тем временем беседа продолжалась.

— Список экзаменаторов уже почти утверждён. Главным судьёй назначен министр ритуалов Цю Цыжэнь. Остальные будут от Императорской академии, Ханьлинь и других ведомств. Цю Цыжэнь известен своей любовью к дерзкому, острому и пронзительному слогу...

«Это он говорит мне?»

Линьси перестал гадать, что за человек этот наследный принц и как в будущем извлечь из него выгоду, и до самого конца беседы сидел неподвижно, не проронив ни слова. Когда советники разошлись, Ван Ян принял из рук слуги чашу чая и сделал глоток.

Линьси тут же пал на колени, отвеив глубокий поклон:

— Ничтожный вовек не забудет милости господина канцлера!

Ван Ян усмехнулся:

— Понял ли ты хоть что-то из услышанного?

Линьси поднял голову, и в его взгляде промелькнула льстивая преданность:

— Ничтожный верен лишь господину канцлеру. Если в будущем господину что-то потребуется, я готов на всё, не щадя жизни. Я приложу все силы, чтобы помочь молодому господину в учёбе, и сам не ударю в грязь лицом. Клянусь занять высокое место на экзаменах, чтобы отплатить за вашу доброту.

Эти слова пролились бальзамом на душу канцлера.

— Цзеюань Цзи, — произнёс он. — Тебя ждёт великое будущее.

***

Вернувшись к себе, юноша вновь погрузился в раздумья о том, как уничтожить Ван Чии.

Идея, зародившаяся в таверне, после подслушанного разговора советников обрела чёткие очертания.

Если обвинить Ван Чии в мошенничестве на экзаменах, то, когда обман раскроется, этот «Таньхуа» в одночасье превратится в «Опавший цвет».

Но и этого было мало. Линьси был всего лишь простолюдином, и чтобы вознестись над знатными отпрысками, одной помощи канцлера было недостаточно. Ему нужно было нечто, что заставило бы народ заговорить о нём.

Если он нанесёт удар по самой несправедливости экзаменов, если сумеет направить ропот толпы против закулисных интриг знати...

При этой мысли Линьси, опершись руками о стол, не смог сдержать торжествующей улыбки.

Следовало всё тщательно спланировать.

Нужно было обставить дело так, чтобы тень не пала на его прекрасного господина, но при этом утопить всех остальных, самому оставшись кристально чистым в глазах света.

Задача была трудной, но выполнимой.

Как же лучше это проверить?

Эмоции переполняли его. Он достал коробочку с нефритовой мазью и принялся бережно втирать её в кожу рук. Тонкий аромат помогал ему успокоиться и вернуть мыслям ледяную ясность.

Раз он решил приписать Ван Чии вину в подкупе судей, нужно было сделать так, чтобы тот сам, ничего не подозревая, шагнул в капкан.

Что же до того, как разнести слухи... У него уже был человек на примете.

«Если я когда-нибудь возвышусь, то вовек не забуду тебя, брат Цили», — разве не такие слова он произносил? Что же, пришло время отплатить Су Цили за былую доброту.

Ни тени сомнения или угрызений совести не шевельнулось в душе Линьси.

Он лишь забирал то, что принадлежало ему по праву.

Если бы не покровительство канцлера, разве этот никчёмный Ван Чии смог бы сравниться с ним в таланте? Если убрать сословные преграды и разницу в богатстве, то места в списках победителей по праву принадлежали бы только ему.

Это был кратчайший путь к власти и единственный способ провести остаток дней подле прекрасного господина.

Надо же было этому бездырю решить сдавать экзамены именно сейчас и встать у него на пути! Пусть он сын канцлера, пусть хоть сам Владыка небесный — Линьси его свергнет.

Шлифуя свой план, юноша закончил уход за руками и бережно убрал мазь. Он сделал упражнения, почитал книги, набросал несколько стихов и трактатов. Дождавшись окончания пятнадцатидневного цикла, он побаловал себя заслуженной наградой, а затем сделал несколько записей в тайном дневнике, посвятив их описанию воображаемых ласк со своим прекрасным господином. Лишь после этого он лёг в постель и уснул, лелея мечту о встрече на экзаменах и представляя себя облечённым безграничной властью.

***

Костяшка чёрного нефрита со стуком опустилась на доску, замыкая кольцо вокруг белых камней. Чу Юй, в одиночестве ведущий партию за двоих, вновь вспомнил праздник Сяюань — блеск столицы и лица горожан, светящиеся покоем и тихой радостью.

Но этот блеск и мирная жизнь существовали лишь здесь, в главном городе империи. Стоило выехать за его пределы, и величие сменялось разрухой. Да и в самой столице покой был лишь призрачной дымкой.

Хуиши ещё не начались, а воздух уже пропитался зловонием золота и серебра. Бесчисленные чиновники и купцы суетились, пытаясь купить своим отпрыскам блестящее будущее.

Стать чиновником значило обрести власть. Власть приносила деньги, а деньги позволяли купить ещё больше власти. В этом порочном кругу знатные семьи крепили и процветали.

Откуда же брались эти богатства?

Семь частей сдирали с народа, три — воровали из казны.

Так создавалось величие благородных домов.

А народ с каждым днём становился всё слабее и беднее.

Неукоснительно следуя пяти техникам управления народом, они верили, что так в Поднебесной воцарится мир, и, восседая на облаках, свысока взирали на копошащихся смертных.

Динь-линью...

Чу Юй слегка повернул голову, коснувшись пальцем бронзового колокольчика. Он взял из чаши белый камень и уверенно опустил его на доску.

Стоит одному камню вырваться из окружения, и оживут сотни других.

<http://bllate.org/book/15344/1416998>